

ваній — и наоборотъ...» (Задачи этики, стр. 40). Въ ограниченной сферѣ своей отдѣльной личности, гр. Толстой достигъ той «побѣды», понятие которой само собою вытекаетъ изъ его опредѣленія «необходимаго» развитія, какъ препятствія къ достиженію высшаго идеала гармоніи и которое было имъ совсѣмъ выпущено при этомъ опредѣленіи: приобщеніемъ къ народу, провѣркой на немъ своего міросозерцанія, своей прежней жизни, онъ, какъ древній Аятей, сынъ земли, которая придавала ему новыя силы каждый разъ, какъ онъ къ ней прикасался, — обрѣталъ тоже новую для себя силу — «силу къ жизни», ибо обрѣлъ и позналъ истинный ея смыслъ! Почему же, закончивъ въ себѣ самую борьбу противорѣчивыхъ началъ, достигнувъ самъ примиренія дисгармонирующихъ силъ духа и уже счастливый побѣдой, — гр. Толстой не хочетъ, не допускаетъ возможнымъ — видѣть *въ другихъ* эту борьбу, также законченную въ богатой гармоніи вполне развитаго образованія, а скорѣе хотѣли бы видѣть насъ возвращенными къ простотѣ и однообразію примитивныхъ формъ непосредственной жизни? Прекрасны въ народѣ его простодушіе, его цѣльная здоровая душевная основа, но прекрасны онѣ тамъ потому, что мы сами утратили все это, — и утратили вельдствіе злоупотребленія нашимъ образомъ мыслей. Для народа, какъ говоритъ Ж. Зандъ, всякая мысль, всякая форма мысли нова, и истина, даже въ образѣ «общаго мѣста», исторгаетъ у него слезы восторга и сознанія. «Горе тому, кто злоупотребляетъ дѣтствомъ души. — Благословеніе тому, кто ведетъ его къ годамъ зрѣлости и мужества, сохраняя въ немъ невинность безъ невѣжества!..» Великое, скажемъ и мы; дѣло, — провести здравый; простой человѣческой смыслъ не искалѣченнымъ сквозь рядъ всякихъ «системъ», навязанныхъ теорій, провести его неврединно сквозь горнило рефлексіи и непокидающихъ сомнѣній!